

Александр-Эл. Полефф

Сказки ночного города

Два шага до Рая

*«Жидкий гелий
закипает при
температуре близкой к
абсолютному нулю»*

Прописная истина

1.

Число Совершенства никак не выводилось. Четвертый управления познания аналитик, младший реестратор Кан бился над этим числом уже двести одиннадцать дней и семь с тремя четвертями часов. Его коллеги, работающие, к слову, с более приземленными, но от этого не менее важными материями поглядывали на Кана с откровенно издевательским видом. Мол, давай, жертва пытливости, покажи нам всем, где были твои мозги в тот момент, когда Незримый их раздавал! Компьютер, между прочим, один из лучших в управлении, паровой, громко свистнул — пора менять испорченную перфокарту и

активизировать модуль охлаждения. Привычно вскрыв пломбу реактора, Кан снял титановую крышку и извлек из недр машины модуль фиксирующего устройства. Золотое напыление было тонко исчерчено иероглифами — очередной показатель полного отсутствия результата. Защелкнув пазы и запустив механизм замены-охлаждения, двадцатилетний Кан попрощался с коллегами и отправился на ежедневный ритуал «Минуты счастья».

Когда симпатичный бесспорно, молодой брюнет с черными, как нефть глазами вошел в ритуальный зал, внимания на него никто не обратил. Ну, один из сотрудников, ну одет как попало: серебристый плащ, оранжевые джинсы и высокие ботинки с оранжевыми же шнурками — стандартный представитель своего возраста — что на него глазеть? Тем более, сейчас Счастье дадут... Кан привычно занял свое место, подключил к запястьям нейробраслеты и, расслабившись, откинулся в мягком и удобном кресле. Он успел к самому началу сеанса и, потому, долго ждать не пришлось. Миллиарды мегабайт, транслируемых мощнейшим компьютером управления, нежными щупальцами обволокли сознание каждого в зале. Миллионы нейронов тут же отреагировали, изготавились, принялись жадно ловить информацию. Сегодняшнее счастье было

Питательным...

...зал ресторана ослепительно бил по сетчатке блеском хрусталя. Хрустальная люстра, хрустальные графины и бокалы, сверкающие белизной тарелки и благородное серебро приборов — все это будет в той счастливой жизни. «Не изволите ли блюдо дня?» — спрашивает у каждого из проходящих метрдотель. Смешно одетый старик — неудобный черный фрак, сверкающая белизной сорочка и глупая черная бабочка... Пережиток прошлого, оставленный в напомиание потомкам. Блюдо дня! Эка насмешил, чудак! Даже ребенок знает, что тем, кто живет в Раю, не нужен выбор, он давно уже сделан за них. А вот и само блюдо. Ух, как же это великолепно будет — жить в Раю! Взгляните: ароматная яичница, шкворчащая на чугунной сковороде, настоящий бутерброд с ЦЕЛЫМИ десятью граммами маргарина, три колечка колбасы вареной и... верные пол-литра! Чистая вода — это ж мечтать только можно! Слюной изойти! Сейчас, мы все встанем, споем молитву Незримому, а потом... Конечно, сперва — воды. Непременно! Очистить вкусовые сосочки, чтобы в полной мере оценить вкус еды — это еще в Нихоне сообразили. Потом соорудить композицию из ржаного хлебца (с маргаринчиком, непременно!), яичницы и колбаски сверху — и гам! Так чтоб даже крошечки не просыпалось...

...жаль, минута быстро заканчивается. Зато теперь все заряжены настоящим позитивным настроением на то, чтобы завтра мы все с удесятенными усилиями бросились за работу над вычислением Рая!

В «Загоне» — пропускном пункте учреждения, Кан забрал из номерного шкафа свой защитный комбинезон, личный автомат и, опустив самогерметизирующую костюм пленку шлема на лицо, сдал перфокарту и вышел на улицу. Сухой поток воздуха лениво гнал мусор через Полигон. Кан невольно залюбовался этим бескрайним бетонным морем — именно здесь, сразу же после окончания расчетов, будет построен экспериментальный образец Рая. Тот, который столько лет пытается создать мудрое правительство Терры.

— Встречи в Раю!

Фраза, вырвавшаяся из правильных размышлений Кана, принадлежала двум патрульным.

— Скорой встречи! — улыбнулся Архангелам Кан.

— Уровень допуска? — с места в карьер взял патрульный.

— УП-4-Р-147 дробь 5, К2. Реестратор Кан.

— Требуемый уровень?

— 4.

— Можете двигаться к Раю, реестратор Кан.

— Скорой встречи.

Уже, когда Кан, снимая автомат с предохранителя, двигался к внешнему щиту, вовсе не официальным, а вполне даже дружеским голосом, его опять задержали:

— Сынок, через третий осторожно иди. Там сегодня неспокойно.

Кан кивнул и улыбнулся: как все-таки чудесно жить в мире, где все счастливы, работать над единой целью. Он был неисправимым оптимистом...

Второй уровень был по своей сути торговым комплексом. Пара ядроидов перед входом (там еще дебри непролазные и колючие) не проблема. Даже плазму тратить не пришлось, с тварями быстро разобрались армейцы, охраняющие порт. Три короткие очереди — и твари, порожденные безумным сознанием Античеловека, превратились в чуть слышимый через фильтры озон. Проверив свою идентификационную карту, Кан даже присвистнул: электронный кошелек сообщил ему наличие суммы в целых триста компиджей. Никак Большой папа премию обещанную перевел... Наскоро отоварившись в универмаге, включив, не экономя, в свой заказ три новенькие обоймы для

автомата, Кан пересек уровень и вошел в порт перехода на третий уровень.

Вообще, Кану в жизни всегда достаточно везло. С жильем же прифартило особенно. Сами понимаете, получить камеру на четвертом, а не на сорок пятом минус уровне — это вам не шутка, а огромный подарок судьбы. Конечно, домой и на службу приходилось добираться пешком, а не в относительно безопасном транспорте, зато в это время Кан всегда мог наслаждаться пейзажем. Вот, например, третий. Выходишь из порта — и справа от тебя озеро. Можно задержаться немного, посмотреть причудливые фигуры, создаваемые токсическими испарениями. Потом — по асфальтовой дорожке на север. Там в старую эпоху был парк. Сейчас это любимое место пар с допуском — где ты еще в Базисграде сможешь полюбоваться почерневшими остовами деревьев, не ожидая опасности со стороны фауны? Нигде. Разве, что на Приречье. Но это, во-первых, далеко, а во-вторых, там нельзя находиться дольше двадцати минут. Дозиметр сводит с ума своим треском. А здесь, в парке третьего уровня, тишь да гладь. Мысли сами возвращаются к великой задаче — поиску Числа Совершенства, которое, став в несокрушимый строй с остальными Числами, даст отмашку на старт к созданию Рая...

А вот сейчас, буквально через сто метров, начнется квартал пролетариата. Рабочие люди — наш ожидающий резерв. Именно они будут работать на заводах, фабриках, лагерях и рудниках, чтобы идеально рассчитанная мечта стала идеальной реальностью. Их проходить стоит быстро. На всякий случай. Находятся иногда среди бездельников революционеры...

— Привет!

От подобного обращения Кан подпрыгнул. Прямо перед ним был широкий переулок, наполовину заросший хищными ивами — подойди ближе максимальной длины плетей, и больше ты оттуда не уйдешь никогда. Прямо посреди этого проулка стояла девушка, лет двадцати. Невысокого роста — по плечи Кану, с роскошными, рассыпавшимися по плечам светлыми волосами, зеленоглазая представительница человечества. Правда, вместо привычного защитного комбинезона на ней были одеты светло-голубые джинсы и черная куртка с меховым воротником. Она улыбалась Кану доброй и удивительно нежной улыбкой, демонстрируя совершенно не траченные ураном, белоснежные зубки.

— Привет! — она обратилась к Кану еще раз, — Тебя как зовут?

— Кан. Реестратор Кан.

Он был совершенно ошарашен

происходящим. Девушка же вела себя, будто на увеселительной прогулке по Тоннелю отдохновения, защищенному силовыми экранами и снабженному антирад-установками. Она откинула упрямые волосы на спину и Кан почувствовал, что это движение рождает в нем непреодолимое желание... неизвестное до сего момента. Легким шагом девушка приблизилась к Кану, снова улыбнулась и сказала:

— А я — Ирина. Из Киева.

— Откуда?

— Из Киева. Не важно. Я давно наблюдаю за тобой, и вот... — она покраснела — ...решила подойти, познакомиться. Ты не против?

Кан взорвался:

— Идиотка! Ты что не понимаешь, что ты в третьем уровне?? Да здесь же фон выше, чем где-либо! Где твой комбинезон?

— А, — она презрительно отмахнулась, — он мне сейчас и не нужен.

Кан даже не успел произнести какую-нибудь гневную или нравоучительную тираду, как девушка легким движением обнажила небольшой шприц, игла которого без проблем пробила защитный комбинезон Кана и больно вонзилась в плечо, выпуская содержимое в организм. Голова закружилась, и прежде чем Кан успел подумать о диверсии и вскинуть автомат, его мягко и нежно

охватил сон. Последнее, что он услышал — это женский голос: «Пойдем...».

2.

Утро началось привычно, как повелось уже на протяжении трех лет, с мелодии будильника. Кан вскочил с кровати и тут же пребольно ударился головой о низкий потолок камеры. Именно на этом привычное утро и закончилось. Завтракая жидким протеиновым концентратом из морской капусты и сои — необыкновенно питательным и полезным — Кан пытался вспомнить, что же именно произошло накануне. Странный сон, где обрывки из Минут Счастья сплетались воедино с неким невообразимым безумием...

...высокий потолок огромного жилья, похожего по размерам на кабинет Большого папы...

Стряхнув с себя бред сновидения, Кан твердо решил после выходных посетить лекаря души — с такими снами и до психотического криза недалеко, и засобирався на службу. Уже готовясь застегивать и герметизировать комбинезон, в кармане плаща он, привычно проверяя наличие идентификационной карты, наткнулся на продолговатый предмет, похожий на уменьшенную перфокарту. Это был ровно разрезанный кусок белого, мелованного картона, где были выведены цифры: 46)34 — 3 —

18–00.

Хмыкнув, Кан вернул обрезок на место и, сняв с предохранителя плазменный автомат, покинул свое жильё.

Служба началась в 9 утра с прославления Незримого. Длинная, протяжная, заученная молитва была призвана вдохновлять сотрудников на Подвиг сего дня. Компьютер был уже заряжен и тихонько посвистывал паром из спускового клапана. Кан одел нарукавники и принялся искать злополучное сорок третье число после запятой в Числе Совершенства. Сегодня он твердо решил попробовать метод деления точки энтропии на квадратный корень из формулы Польнера. Говорят, этот великий ученый вывел ее, когда играл в карты, то есть, занимался запрещенным времяпровождением. Играл... Неожиданно для себя, он повернул голову к сидящему рядом Горту, аналитику-консультанту по Числу Полноты, и спросил:

— Горт, скажи, а что такое игра?

Горт, старейший из управления, изумленно поднял брови:

— Игра... ммм? Ну, это соревнование, только организованное не с великой целью повышения производительности, а просто так.

— Просто так? — подняла голову от атомного арифмометра инженера младший помощник Вонга.

— Ну да. Просто так. Навроде того, как по седмицам в доме смеха демонстрируют вам, молодежи, картины о падениях и, простите, испускании газов.

— Ну... знаете ли! — Вонга явно потеряла интерес к разговору после сего, ибо девушкой была серьезной и на легкомысленные кинокартины для пролетариата не записывалась никогда.

— Странно. — резюмировал Кан и погрузился в работу. Причем, ушел в нее настолько, что не услышал зуммера, сообщающего служащим о перерыве на прием килокалорий. Очнулся он от того, что его, Кана, трясла за плечо Вонга.

— Кан ты что, на прием не идешь? Все уже ушли...

— Два... — только и ответил Кан.

Вонга вытаращила на него свои большие, водянистые глаза:

— Что?

— Два. Просто два. — он просиял, как ребенок, которому родители подарили турне в Музей Правительства.

— Кан, ты меня пугаешь! Что «два»? — Вонга была не на шутку встревожена. Кан был первым кандидатом на личность в период доступа, и рассматривала она его, как одного из лучших и потенциальных.

— Два. Понимаешь, Вонга? Два!!! Без

запятых и дробей!! Число Совершенства — ДВА!

— Ты совсем заработался. Пойдем скорее, пока прием не окончился. А потом поговорим.

В комнате приема килокалорий Кан занял очередь и вскоре сидел перед стаканом с йогуртом из овса с добавлением поливитаминов и бактериальным комплексом. К чести мудрого правительства, в этом месяце порции были увеличены на целых пятнадцать процентов — не зря же на износ работать приходится! Кан распаковал индивидуальную соломинку, сделал два глубоких вдоха, обязательных перед приемом пищи и вспомнил...

...стол, застеленный скатертью. На нем громоздятся тарелки — консервированные овощи вперемежку с овощами же, но свежими и мелко нарезанными, залитыми странным белым и очень вкусным соусом, дымящееся мясо, сваренное в тонком слое теста, красного цвета отвар свеклы с говяжьим мясом, источающий непередаваемый аромат, хлеб и целый брусок настоящего масла, а чуть поодаль — душистый, сладкий отвар трав на чистой воде. Станный напиток, от которого на душе становится легко-легко — в запотевшем графинчике. А потом — домашний мини-бассейн, наполненный горячей водой и ароматные жидкости для кожи. Но все это теряет всякий смысл, когда...

— Четвертый управления познания аналитик, младший реестратор Кан?

Перед затерявшимся в воспоминаниях молодым человеком стоял первый заместитель службы помощи Ор Вит.

— Так точно.

— Вас желает видеть старший лидер. Следуйте за мной.

Кан отнес не принятую пищу в утилизатор и, потянувшись, отправился за охранителем.

В кабинете старшего лидера команды Кан бывал всего один раз в жизни — в торжественный момент вступления в ряды строителей Рая. Да и самого лидера он видел всего несколько раз... Откуда такая честь? Старший лидер Гит Шу был все тем же седовласым крепким мужчиной с орлиным носом и надменным взглядом, что и три года назад. Он указал Кану на табурет и спросил, безо всякого приветствия по форме:

— Мне доложили, что рядовой реестратор Кан открыл жизненно необходимое для проекта Число Совершенства. Это так?

Голос Гита Шу был ужасно скрипучим и неприятным, но мудрое правительство никогда не допускает ошибок в должностях. И, тем не менее, в присутствии Старшего лидера Кан терялся.

— Понимаете... возможно... мне кажется, что я догадался...

Гит Шу побагровел и, стукнув кулаком по столу, брызжа слюной проорал:

— А мне кажется, что рядовой реестратор Кан скрывает имя того, кто создал для него эту глупую иллюзию! Отвечай, мальчишка, куда ты вчера исчез из Периметра?

Кан изумленно посмотрел на Старшего лидера:

— Прощения прошу, однако я никуда не исчезал. Впрочем, я имел странную галлюцинацию около девятнадцати часов вечера...

Кан пересказал все события, произошедшие накануне, включая странный сон.

— ...и сегодня по окончании службы я даже записался к штатному лекарю душ по этим причинам.

Старший лидер помолчал немного и, наконец, его черты лица немного смягчились:

— Ну что ж... переутомление налицо. Ошибка рядового реестратора Кана состояла в том, что сегодня утром он приступил к вычислениям, не доложив службе контроля о болезненном состоянии. Однако, хорошо то, что имеет хорошее завершение. Вы, по крайней мере, осознаете то, что это было галлюцинацией. На сегодня вы получаете оплаченный недопуск к вычислениям. Передайте компьютер службе контроля и отправляйтесь к лекарю. Выходных вам добрых, рядовой реестратор

Кан.

— Доброй встречи в Раю, Старший.

— Скорой встречи, рядовой.

Как и следовало из указания, Кан сдал компьютер на консервацию до начала будней и покинул здание управления. Привычная процедура проверки документов, стандартный маршрут к порту... И тут в голову Кана пришла страшная мысль: все это действительно могло быть обычным следствием психического расстройства, сном больного разума... но как же кусочек картона с надписью? А если это так, то по-всякому выходит, что только что он солгал Старшему. К тому же — Гит Шу начал выговор с того, что упомянул исчезновение за Периметр. А это уже не просто бред — это тяжкое преступление, зафиксированное в законе Незримого, которое карается полным низведением в ряды пролетариата. Если сумеешь выжить в страшной из тюрем Терры, расположенной на огромном атомоходе среди ядовитого моря, конечно.

Второй уровень Кан прошел без особых проблем, несмотря на то, что тот охраняется наиболее сильно. Он знал, что арестовывать его придут прямо из камеры-жилища. Потому войти в общественную уборную огромного торгового центра проблем для Кана не составило. Там, из кармана плаща была извлечена злосчастная

карточка. Порвать и сжечь в утилизаторе! Уничтожить это глупое доказательство собственного позора перед мудрым правительством и идеей Рая! Плазменный автомат легко выплюнул патрон, расковыряв который, Кан получил щепоть сиреневого порошка, которым и посыпал картонку. Капля воды, вспышка и маленькое озеро огня поглотило улику, отправив ее в хаос. С облегченной душой, Кан вышел из уборной и двинулся к порту.

46)34 — 3 — 18-00... Наверное, плохим бы Кан был аналитиком, если бы цифры не были его страстью. Вот и сейчас, даже уничтожив картон, в его мозгу мелькал поток цифр и аналогий. Он пересек токсическое озеро и направился к пролетарскому кварталу, когда логика вывела простые значения данного кода: сорок шестой уровень плюс, квадрат 34 на пересечении третьей линии улиц в 18-00 кто-то назначил Кану встречу. И если бы ему предложили с первой попытки догадаться, кто — он бы не промахнулся.

3.

Порт был очень удивлен временем и адресом перехода Кана. После того, как он назвал координаты уровня, Центральная система долго анализировала маршрут, после чего вывела на линзу дисплея уведомление о том, что данный

уровень находится у самой границы Периметра, принципиально не обитаем и функционирует только как местность, особо богатая радием. Кан принял данную информацию, но от перемещения не отказался. Порт перенес его в ближайшую точку — уровень тридцать один плюс и система рекомендовала воспользоваться траном или дирижаблем. Осмотрев зону прибытия (и пристрелив терриконового саблезубого кота), Кан решил, что дирижабль будет предпочтительнее по скорости, хоть и безбожно дороже. Ждать оставалось около двадцати минут, а потому он поторопился приобрести право перелета и занять свое место в дирижабле. Перелет в указанный сектор осуществлялся почти полтора часа, а потому на это время Кан предпочел задремать. Почти сразу, после того, как вибрация древнего, угольно-гелиевого дирижабля, на взлете утихла, он откинулся на мягкую спинку кресла и тут же сонное видение захватило его разум...

...раннее утро зимы. Морозные узоры на стеклах и космы инея на проводах. Горячий, горький — но очень тонизирующий отвар коричневого порошка. Чуть заспанная, но от этого не менее милая девушка в розовом, пушистом халате режет хлеб, безмятежно смахивая крошки на пол, укладывает на ломти масло и сыр. И потом, после, перед странной дверью — поцелуй в щеку и

рука, опускающая что-то в карман плаща...

...«Просьба пассажиров пристегнуть ремни и надеть наушники. Посадка в секторе 14 уровня 46 плюс через семь минут. Напоминаем, что нахождение на данном уровне без средств специальной защиты опасно для жизни» — голос радиста вывел Кана из странного сна. Поправив на правом боку антирадиационный комплект и, герметизировав костюм, он приготовился к встрече.

Добраться до тридцать четвертого квадрата оказалось не так и просто. Во-первых, счетчик радиации просто сходил с ума. Фон здесь действительно стоял просто противоречащий жизни человека. В который уже раз Кан мысленно выражал гордость перед пролетариями, работающих здесь, перед их Подвигом во имя Рая. Во-вторых же, флора, щедро разросшаяся на этих землях, была очень агрессивной: начиная от азалий, так и норовивших «выстрелить» своими ядовитыми иглами до псевдокленов, чья насквозь пропитанная радиацией корневая система атаквала все живое прямо из-под земли. Итогом того, что рядовой реестратор Кан попал в указанное место стали две опустошенные обоймы и опоздание на пятнадцать минут. Девушка, как ни в чем ни бывало, сидела на поваленном стволе акации и с любопытством разглядывала пейзаж. На ней была странного покроя куртка с широкими отворотами и ботинки

на высоких каблуках. Она помахала Кану рукой и крикнула:

— Привет! А я знала, что ты быстро меня найдешь!

Она улыбалась настолько обезоруживающе, что Кан и сам, невольно, улыбнулся.

— Ну что, пойдём?

— Куда? — глуповато спросил Кан.

— В мой мир.

С этими словами она извлекла шприц с золотистой жидкостью и вопросительно посмотрела в его, скрытые шлемом темные глаза. Он утвердительно кивнул в ответ.

Мир завертелся перед глазами Кана, превращая низ в верх, а стороны света попросту исчезли. И тут же исчезло само наваждение. В себя Кан пришел на заснеженной дороге. Судя по ощущениям — асфальтированной. Рядом, на скамейке сидела зеленоглазая девушка в короткой меховой куртке и такой же шапочке. В ее руках был предмет, похожий на раскрытую по горизонтали книгу. Она закрыла книгу и улыбнулась:

— Рада видеть тебя, Кан. Пойдем ко мне? Я ужин приготовила...

Кан молчал. Он смотрел на небо, усыпанное алмазами звезд. Россыпь Млечного пути, ковш Малой Медведицы и яркий сапфир Полярной звезды пробуждали в младшем реестраторе

странное чувство тоски.

Девушка взяла его за руку и повела в сторону высокого панельного дома с большими, светящимися окнами. Кан шел рядом с нею и думал о том, какая же нежная кожа рук может быть у человека. У женщины...

Первым делом, она заставила его снять комбинезон и вымыть тело под горячей водой. Пока Кан, старательно соблюдая указания, мылся, она стояла в дверях и улыбалась. Девушка успела сменить свой наряд на пушистый розовый халат и домашние туфли и выглядела теперь еще милее. Потом был ужин в уютной, хоть и маленькой кухне под легкий флер какой-то незатейливой мелодии из проигрывателя. Горячий отвар трав. Она молчала и улыбалась, а Кан с жаром рассказывал ей о Великой цели. О строительстве Рая. О своем мире, который, вскоре, преобразится в прекраснейший мегаполис, о чудесном изобретении паровых компьютеров, так облегчающих работу... Он замолк лишь тогда, когда девушка со странным именем Ирина взяла его высушенную радиацией руку в свои теплые, мягкие ладошки и поднесла ее к губам. Станный, неведомый жар охватил тело Кана. Будто тысяча игл пронзила его тело с головы до пят. Миллион невидимых молний отозвалось сознание.

— У тебя есть допуск? — слабо сопротивляясь вожделению спросил Кан.

— Нет, — лишь покачала головой Ирина, — нам не нужны дурацкие разрешения на любовь. Ведь нас двое и сейчас мы — боги...

4.-1.

Около девяти утра Кан вышел из камеры и направился на службу. Голова болела после сна, как никогда. Завтрак не лез в глотку, а ржавая вода, очищенная антирадином, вызывала тошноту. В голове витали обрывки снов...

...теплая кухня. Он сидит напротив очаровательной девушки и пьет горячий настой трав. У нее просто невиданные глаза...

Сердце билось с ужасающей частотой. Пульс зашкаливал.

...теплые, нежные руки Ирочки, обнимающие его шею и пылающие жаром губы...

Кан тряхнул головой. Наркотическое опьянение пронизало его тело миллионом сладостных искр, и от него нужно было избавиться. В руках Кан нес черный тубус, в котором лежали его последние отчеты.

...— Возьми меня в свой мир!

— Не стоит... он не для тебя.

— Мне нужен Большой папа. — четко сказал Кан, когда вытаращивший глаза патруль уже тянул

с пояса плазменные арбалеты.

— Старшим лидером был дан приказ о немедленном аресте идентификационного номера УП-4-Р-147 дробь 5, К2. — отчеканил патрульный офицер. — Просьба следовать за нами в изоляционную камеру.

Кан улыбнулся и покачал головой.

— У меня важные агентурные сведения для Большого Папы. Ограничение снятия кода доступа: три единицы восемь один.

Офицер дал отмашку, арбалеты заняли свои места в широких чехлах. В глазах патрульных светилось определенное непонимание. Экстренный код доступа был известен только единицам, а рядовым патрульным и служащим он просто встраивался в сознание при рабочем кодировании.

— Прошу за мной. — все тем же холодным голосом сказал офицер и направился к отдельно стоящему лифту, ведущему в бункер. Кан набрал на клавиатуре код доступа и свой номер.

...Большой папа с улыбкой выслушал подробный отчет младшего реестратора Кана и одобрительно кивнул.

— Благодарю, сынок. Благодарю за службу. И еще — в обещанный отпуск идешь прямо сейчас. Отдохни, заслужил.

— Скорой встречи в Раю!

Спустя три часа после случившегося разговора, Кан обнаружил себя сидящим на титановой скамье в Парке увеселений. Голова болела так, как будто по ней проехался тран. С ужасом он понимал, что именно случилось. Слова из страшного кодекса крутились в его памяти, будто сам Античеловек надиктовывал их на валики машины звуковоспроизведения:

«Таковым надлежит незамедлительно быть уничтоженными при помощи любого подручного предмета, сходного по функциям с оружием». Глава «Периметр», часть одиннадцатая «Античеловеческие существа», подпункт сорок один «Нарушение законов Незримого». Механизм, с самого детства заложенный в подсознание каждого обитателя Терры — инстинкт уничтожения всего, что способно повредить созданию Рая. И тихим шепотом: «о случившемся — немедленно доложить максимально высокому руководству с получением награды». Кан в ужасе обхватил руками и взвыл. Он сам, своими руками убил существо, которое, впервые в жизни, было ему симпатично. Молча и безжалостно. А потом с холодным сердцем донес информацию о точке прорыва Периметра. Именно потому-то его и не арестовали сразу. Они прекрасно знали, что он сам исполнит приговор, вынесенный Незримым всем нарушителям. С ветки дерева, под которым сидел

Кан, упала большая капля ртутного конденсата. Странное желание освободиться от всего озарило насквозь источенный логикой мозг. Легким движением головы он сбросил ее и, резко встав, улыбнулся. Порт перехода, на клавиатуре которого Кан отщелкал код 99)017-0880-710 сообщил, что выбранного им уровня 99 минус не существует в системе координат портала. Порт не мог различить злого прищура глаз и ехидной усмешки на лице Кана, а потому, после введения ограничения снятия кода доступа просто почтительно зашипел синим энергоэкраном, сверкнул стандартной молнией и четвертый управления познания аналитик, младший реестратор Кан навечно растворился в энергополе Терры.

4.-2.

— Господин Президент, у нас проблема. Очень большая проблема.

Голос секретаря-референта дрожал, а это явно сообщало Президенту корпорации Акиро-С о том, что откладывать новости не стоит. Денис Стрельников уже пятый год руководил предприятием и знал своих подчиненных буквально наизусть.

Референт появился в кабинете не позже чем через пять минут после тревожного звонка.

— Денис Анатольевич, у нас прорыв Периметра.

— И что? — удивленно поднял бровь Президент.

— Ситуация сто!

Господин Стрельников презрительно сморщил лицо: ну куда ему, главе корпорации с многомиллионными прибылями знать все эти мелочи. Секретарь, поняв это по лицу Президента, поспешил исправить положение:

— Один из игроков прошел через Периметр и, следуя команде, совершил убийство.

У Стрельникова ужасно заломило в висках.

— Кто? — только и смог спросить он.

— Ирина Волкова, киевлянка.

— Та самая, что ратовала за запрет Проекта, как социально опасной игры? — скривился Президент.

— Именно. Игрок УП-4-Р-147, предположительно нанес ей несколько ударов в живот столовым ножом, после чего поджег квартиру и ушел обратно в игру.

— Почему «предположительно»?

— Квартира сгорела дотла. По остаткам костей практически невозможно определить жертву, мы базируемся только на показаниях соседей и вещдоке — том самом ноже.

— Где его обнаружили и кто?

— Обнаружили мы, он валялся в снегу у подъезда. На рукояти — его отпечатки пальцев, а на лезвии остаточные следы венозной крови, идентичной с группой и резус-фактором убитой, взятой в ее медицинской карточке.

Президент немного облегченно вздохнул. Практически невозможно было обвинить в данном преступлении Проект, равно, как и одного из игроков.

— Значит так... — Стрельников побарабанил пальцами по столу — Вещественные доказательства — уничтожить. Игрока УП-4...как там его дальше — на полную промывку мозга. Все ясно?

Секретарь-референт замялся.

— Есть еще одна нештатная ситуация. Игрок УП-4-Р-147 исчез из игрового пространства.

— Это как? Это... это же невозможно! — глаза Президента метали молнии.

— Последнее место, где его видели, был переходник. Однако, тот код зоны перемещения, который он использовал, просто не существует.

— Стоп. Это как?

— Программисты просчитывают эту ошибку и с минуты на минуту сообщат свой вердикт.

— Литвинова ко мне! Быстро!

Начальник отдела кодинга, Андрей Литвинов, только развел руками:

— Денис Анатольевич, мы имеем дело с необъяснимым феноменом: программа имеет очень четкую систему координат, к которой и привязаны все локации в игре. Программа анализа известных персонажу кодов просто физически не могла перенести игрока в локацию, которой в принципе не существует.

— Тогда, как вы объясните исчезновение игрока?? — заорал Стрельников, ища на столе нечто тяжелое, чем можно запустить в собеседника.

Литвинов второй раз пожал плечами:

— Согласно нашим данным, этот игрок просто самоуничтожился. Комбинация, использованная им, запускает в действие...гм...назовем это странной природы вирусом, который и стер его персонажа из системы.

Это объяснение немного успокоило Президента, и следующий вопрос он задал уже более уравновешено:

— Значит, система недостаточно защищена от случайного использования кодов? Этот прецедент не может привести к читерству или не совсем честному прохождению игры?

— Вот это-то всех нас и настораживает. Шанс угадать этот код случайно равен семи миллиардам к одному...

— Ну, нет человека, нет и проблемы. Похороните тело, по возможности тихо. Работайте.

Президент корпорации нервно ходил по кабинету, прикуривая одну сигарету от другой. Никто из полутора миллиона существующих игроков и миллионов тех, кто является потенциальными покупателями игры «Проект Рай» не должен знать о том, что игровые боты, управляемые искусственным интеллектом, на самом деле — реальные люди, погруженные в кому. Реальные люди, чье сознание путем использования тяжелых наркотиков и гипнотического зомбирования было перенесено в игровой мир. Люди, благодаря интеллекту которых «Проект Рай» становился чертовски сложной и интересной игрой. Каждый из них — одинок. Каждый из них лежит сейчас в своей квартире, соединенный с баком, в котором плещется питательный раствор, периодически обновляемый сотрудниками специального отдела.

И еще Президент не мог объяснить феномена, при котором изредка некоторых из его ботов люди встречали на улицах...

Звонок мобильного телефона отвлек Президента от мыслей:

— Алло?

— Денис Анатольевич, — голос секретаря-референта теперь не просто дрожал, а источал липкое масло панического страха. — Тело игрока УП-4-Р-147 исчезло.

— Как?? — вне себя завопил Стрельников.

— Не знаю. Квартира пустая, оборудование отключено.

Президент корпорации Акиро-С побелел от ужаса.

5.

В вагоне СВ класса, фирменного поезда сидели двое — парень и девушка. Зеленоглазая блондинка держала своего собеседника за руку, которая невольно подрагивала.

— Скажи, Кан, все-таки, как тебе удалось расшифровать код экстренного доступа к блокиратору? — наконец прервала молчание девушка.

Взгляд молодого человека немного потеплел, и на его бледном лице появилось некое подобие улыбки:

— Когда три года возишься с массивами цифр, решения с ними связанные, иногда, приходят сами собой.

— Скажи мне... только честно... тебе было страшно?

— Нет. Я, ведь, точно знал, что Число Совершенства — два. Пара. И Рай построить нельзя — его можно только достичь...

— ...вдвоем. — закончила за него девушка и

засмеялась. Ее левая рука скрывала под бинтом порезанные накануне столовым ножом вены, а правая все еще легко отдавала бензином. Она смотрела в глаза человеку, который еще не до конца осознавал, что это именно она больше года работала над созданием вируса, ломающего приличную дыру в едва заметной брешу игровой системы. Что именно она, украдкой, проникала в квартиру, где в ванной лежал изможденный полутруп с катетерами в венах и кучей проводов, посылающих сигналы компьютера в мозг. Именно она колола ему стимуляторы и разбавляла питательный раствор веществами, активирующими нормальную работу сознания. Именно она, та самая Ирочка, которой программист Князев Андрей Николаевич (КАН) сделал три года назад предложение.

Он смотрел в окно, за которым пробежал однообразный зимний пейзаж и думал о том, что постиг Рай.

Она смотрела на него и думала о том, сколько еще предстоит сделать для того, чтобы Рай стал реальным.

А в большом кабинете многоэтажного здания, принадлежащего производителю компьютерных игр, корпорации Акиро-С, на ковре лежал некогда красивый молодой человек с простреленной навывлет головой. Человек, который мечтал быть

Богом в Раю.

Placebo

Повесть о поколении глупого гламура

0. Pro Loh

(«8 200» Б. Гребенищиков)

Истинный воин живет в пустоте, осознавая каждое свое действие, как не имеющее смысла. Именно по этой причине его пустота наполнена высочайшим сенсом.

Пустота для воина — это всего лишь аспект бытия. Дискурс сознания. Миниатюра мира...

Моя миниатюра начала создаваться в середине безумных девяностых, когда кризис жанра и девальвация личности все чаще требовали жертв в виде постоянного подражания распиаренным идолам Запада. Мир интеллектуальной элиты сменялся идеологией коротко стриженного бычка в поддельном турецком бомбере. Как следствие этой самой метаморфозы, остатки того, что принято было называть интеллигенцией, остались за бортом корабля современности. К этим барахтающимся в пучине времени Nuovo относился и я, Антон Бородай. Так же как и прочие пловцы, я по дефолту

получил звание «лох»... Как демонстративно надетые на руки пленника кандалы, это звание делало нас париями в мире сверкающих понтов. Любовь сменилась заманчивым западным sex, честь покрылась пылью в запасниках музеев, а тургеневские барышни заливались ароматизированной водкой Kalinka и тусовались с реальными пацанами на дискотеках. Все это стало параллельным миром, в который тянуло каждого лоха, но суровые и неподкупные архангелы надежно стерегли его вход от непосвященных, пресекая попытки последних огненными клинками пиздюлей...

Мир красивых телок, без проблем делающих секс отторгал нас своими полнотой чувств, культом силы и наличием некоего сакрального знания, дающего право быть у этого корыта. По крайней мере, я так считал до того момента, когда летней ночью один из апостолов нового мира понятий снизошел ко мне с беседой. Это произошло теплой субботней ночью, когда я сидел в темном парке и бессмысленно пялился на звезды.

— Слыш, поц, курить есть?

Вопрос был определенно адресован мне, а потому, задавший его, в силу своей нетрезвости, мог смело отрихтовать мои щщи в случае неправильного ответа. Впрочем, в зависимости от настроения оппонента, по морде я мог получить в

любом случае...

Обреченно вспоминая технику вправления сломанного носа при помощи вязальной спицы, я достал пачку «Космоса» и протянул в сторону голоса. Тут же рядом со мной материализовался местный гопник, *primus inter pares*,¹ по имени Череп. Он забрал сигареты себе, закурил, и, выпустив в ночь клуб дыма, сказал:

— Слыш, патлач, тебе не надоело быть таким лошарой? Подстригись, бя, займись спортом, затуси, еба! Чо самому не стремно таким плугом жить?

— Вань, — робко ответил тогда я, — а что ты вкладываешь в понятие «не быть лохом»?

Он вытаращился на меня, как на полного дебила:

— Ну ты лошара! Секи: нормальным пацанам девки дают, мы толпой гудим, бухаем... Это ж круть!

Я смотрел в его водянистые глаза, залитые паленой польской водкой «Стопка», видел желтые прокуренные, выщербленные зубы и понимал: вся его крутость — не более чем бравада олигофрена перед лечащим врачом. И если в тот момент моя душа олицетворяла собой пустоту, то его душа

¹ *Primus inter pares* (лат.) — Первый среди равных

была всего-лишь пустышкой. Бессмысленной и тупой...

1. Медиотиотека

*(«Человек из Кемерово»
Б. Гребенщиков)*

Абсолютный покой в отношении собственного статуса занял прочное место в моем сознании. Теперь, когда я окончательно утвердился в мнении, касаемо реальных пацанов, я перестал барахтаться в волнах океана жизни, перестал делать попытки влезть на борт корабля, а вместо этого лег на воду и поплыл по течению. Я продолжал учиться, по вечерам пить пиво в обществе произведений Ницше и Пелевина, а также наслаждаться музыкой, непонятной стаду. Вполне возможно, так оно бы и продолжалось, если бы в мою жизнь не пришел Интернет... О, именно он и помог мне полностью осознать роль Номо Лохус в мире. Он, как новый полковник Кольт, уравнивал шансы крутых парней и тех, кто теперь нашел себя в виртуале. Наши анкеты на знакомствах@mail.ru запестрили аватарами из голливудских топ-фейсов, темы на форумах потрясли остроумием и количеством комментов, а главное — мы выяснили, что делать секс с такой же девушкой, как ты сам,

ничуть не хуже, нежели с звездой района Юлькой Профатиловой. Хотя, последнее нам доводилось пробовать только с результатом в виде ночной поллюции...

Жизнь продолжалась с новой силой. Счетчики трафика щелкали с огромной скоростью, но новое поколение I остановить было невозможно...

Прошло полгода. Лохи остались где-то в прошлом. Их место заняли битарды, которые неистово тащили из недр сети аниме, общались в чатах и постили похабные картинки на 4чане, а я создал аккаунт в livejournal. И вместе с ростом количества друзей, я осознал, что самыми популярными постами становятся те, что являются абсолютным фейком. Вот тогда-то я и сел на верного коня. Я перестал размещать в сети тупые сообщения о своем настроении или достижениях в колледже. Перестал копипастить хентайные картинки. Завязал с выкладыванием собственных стишат. И, наконец, переименовал свой блог в «Медиатиотеку». Я начал писать о том, что является модным в этом сезоне, о музыке, под которую отрываются на Ибице и Гоа, излагать собственное видение различных трендов. Немного знания английского, поиск в yahoo по тегам «мода» и «тренд» — и лох Антон стал тысячником с именем Барон Самеди. По имени гаитянского божества кладбищ, юмора и секса. В медиатеке

идиотизма я был модным парнем, трахающим модных моделей, пьющим исключительно черный ром и расслабляющимся не где-нибудь, а в самом сердце lounge — Buddha bar. И уже через год, когда абитура начала приходить в колледж на прикиде, «рекомендованном Бароном», я понял, что моя звезда зажглась...

2. Идеал идиота

(«Контрданс» Б.
Гребенищikov)

From: beatle_gay_the
To: baron_samedy
Subj.: Екатеринославский бал
Уважаемый Барон! Мы с особым вниманием следим за Вашим блогом, что Вы благосклонно отметили, в рецензии на наше издание. В благодарность за пиар «Мегаполиса», мы хотим пригласить Вас на ежегодный бал, который пройдет 31 октября в Потемкинском дворце, в Днепропетровске.

С уважением, Аннет.

Данный месседж свалился в приватную почту моего блога ровно за неделю до предстоящего мероприятия. И разве мог я отказаться? Нет, теоретически, я должен был это сделать. Должен был сказать о том, что нынче в Милане неделя высокой моды, или там, вечеринка топового ди-джея, законодателя trance. Обязан был, но был один нюанс... Я слишком хорошо помнил изображенную над редакторской колонкой гламурного журнала «Мегаполис» девушку по имени Аннет. Невысокая блондинка с роскошными, ниже талии волосами, идеальными формами и небесно-голубыми глазами покорила мое сердце, как дивизия Waffen-SS — деревню Гадюкино. И, конечно же, я написал ей, чтобы она встречала меня в аэропорту Днепропетровска...

Ночной поезд «Красноград-Днепропетровск» выплюнул на платформу толпу людей, среди которых был высокий парень в джинсах, обработанных лезвием опасной бритвы, высоких ботинках вишневого цвета dr. Martens и черной куртке от Lacoste. Это и был я, покоритель звездной жизни и неутомимый трахальщик шикарных леди — Барон Самеди во плоти и крови. Последний скандал, который разгорелся после моего поста о том, что Михаил Воронин спер идею своей последней коллекции у Версаче, принес мне на «Визу» две тысячи гривен. Всего лишь за то, что

продажи в бутиках Воронина выросли вдвое. Быдло любит Версаче, пусть даже и в исполнении Воронина. Благодаря этому, а также фанзину «Tiffozy» я смог одеться достаточно эксклюзивно (в то время о скинхедах мало кто слышал) и креативно а ля punk. Барон Самеди жевал сигару и планировал, как половчее добраться до аэропорта.

— Вай, дорогой, эхать будим? — таксист из Азербайджана смотрел на меня в упор пустым водянистым взором, а на заднем стекле его «девятки» был наклеен белый череп из оракала. Знаки были настолько же благоприятные, насколько благодушным было мое настроение после четырех литров пива в провонявшем грязными носками вагоне поезда, а потому я и решился на внеплановую аферу.

В аэропорт я отправился на обычном маршрутном такси номер 109. Идиотская дорога, абсолютно тупящие пассажиры, обнюхивание каждого столба — все это приводило меня в абсолютное бешенство. Я, идеолог моды, популярнейший диджей и один из законодателей тренда был прикован к столбу своей лжи цепью из лжи и не мог ничего с этим поделать...

— Эй, киса, ты чо вечером делаешь? — мы ехали через поле пшеницы и мое созерцательное настроение было безнадежно испорчено. Через ряд от меня сидела девушка с клатчем в руках, к

которой и цеплялись два подростка. К ее чести, она не удостоила их ответом, что еще больше раззадорило оффлайн-быдло:

— Не, ты не поняла? Я тебя спрашиваю! — малолетка явно был не в себе, и скорее всего, в его крови неплохим процентом присутствовали продукты брожения плюс каннабиноиды. В этот момент меня озарило воспоминание о том самом вечернем разговоре с Черепом... «В большой массе эти люди — пустышки» — вспомнил я, одевая маску этакого супермена, и потрепал малолетку по плечу.

— Слышишь, ты, казанова сельского пошиба, не видишь, что девочка с тобой дружить не хочет? А ну-ка, отчислись из пельменной, гнида!

Гопник повернулся ко мне, ощерив пасть:

— А ты кто такой смелый?

Пассажиры маршрутки сидели втянув языки туда, куда солнышко обычно не проникает, а потому надежда была только на себя...

— Я, быдло картавое, скинхед. Фашист. А щас мы выйдем, и я закончу то, что Адольф не закончил с твоим дедом в Освенциме! Порешу, сученок еврейский!

В довершение образа я ослабил свою самую человеколюбивую ухмылкой. Результат потряс, в первую очередь, меня самого: гопник как-то сник, а потом как-то пискляво выкрикнул:

— Остановите здесь!

Когда он и его кореш выскакивали, я услышал стандартное:

— Я тебя найду еще!

Памятуя закон Штирлица о том, что последнее слово должно быть за главным героем, а также, воодушевившись неожиданным успехом, я брякнул:

— Ищи-ищи! Меня зовут Барон!

Дверь захлопнулась и микроавтобус покатиł дальше. Спустя несколько секунд я услышал две реплики. После первой мне захотелось отрихтовать щипы «храбрецу», а после второй — себе.

— Развелось фашни, блядь! На простых ребят наезжают...

— Барон Самеди? Так вы же должны были прилететь только через час...

Вторая реплика была произнесена девушкой с переднего сиденья...

— Я...это...чартер...немного раньше...

Никогда еще разведчик не был так близок к провалу! Однако, взяв себя в руки, я перестал мямлить и, напустив на себя сложносочиненный вид, строго сказал:

— Впрочем, мои перемещения в пространстве касаются только меня. А вы, вероятно, секретарь? Анна не смогла приехать?

Девушка нахмурилась и тихо ответила:

— Анна это я...

Образ прекрасной дамы испарялся на глазах. Только сейчас я рассмотрел ее полностью. Высокая шатенка, с длинными, ниже плеч волосами, грудью второго размера, не выразительными карими глазами, она была одета в белую футболку без опознавательных знаков и голубые джинсы. Где же ты, прекрасная блондинка Аннет, ангел во плоти, покоровивший мое воображение похлеще самого забористого порно Пьера Вудмана?

— Очень приятно, — фыркнул я.

Наконец, мы вышли из душного салона. Аэропорт Днепропетровска не впечатлял, являя собой нечто в стиле постсоветского ампира. Хотя, какое теперь это имело значение?

— Итак, раз уж мы встретились раньше положенного, может, познакомимся, Анна Кисс?

Мы посмотрели друг другу в глаза и неожиданно расхохотались.

— Инна Гупало.

— Антон Бородай.

Когда второй приступ истерического хохота прошел, моя, теперь уже очная знакомая предложила:

— Может ты голоден и хочешь принять душ? Можем поехать ко мне. Не Лондонская мансарда, конечно...

— Ну и уж не миланская вилла точно. Но

разве это играет какую-то роль?

Таким образом я и познакомился с моей будущей подельницей, о чем она до сих пор, видимо, не подозревает...

3. Праздник кошелька

*(«Пока несут сакэ» Б.
Гребенищikov)*

Жареная картошка с салатом по-валлийски (картошка жарится с помидорами, сыром и яйцом, а все овощи, найденные в холодильнике, мелко нарезаются и солятся), пиво и контрастный душ снова вернули мне уверенность в собственных силах. К тому же, в моей голове уже зрел один дерзкий, но безумно гениальный план...

— Скажи, Иннулька, а как вообще будет проходить этот бал?

Инна-Анна выпустила тонкую табачного дыма и ответила:

— Да все просто. Сперва посмотрим «культурную программу», потом — награждение всяких деятелей. Ну и фуршет, конечно.

— Отлично. Кстати, мне кажется, пора выходить — седьмой час все-таки.

— Ой, действительно! Погоди, сейчас оденусь...

А, разве, я не сказал вам, что когда Инна ушла в душ, она забыла закрыть дверь? И, конечно же, я не смог отказать себе в небольшом адьюльтере. Кстати, целуется Инночка просто божественно...

Такси подвезло нас как раз к той стадии начала сейшена, когда публика еще не разогрелась шампанским до нужной стадии, но режиссер уже начал напрягаться по поводу отсутствующей ведущей. Последним оказался весьма педишной наружности вьюнош:

— Аннет! Где вы пропали?

— Сорри, малыш, встречала гостя. Знакомься: Барон Самеди.

Манерное лицо вьюноша немного перекосило. Перед ним стоял известный критик, законодатель тренда... в паленых джинсах...

— Э...

Я протянул ему руку.

— Антон.

— Аааалексей...

— Просто охуеть можно как приятно, Леха! — я снова входил в образ, — А какой кретин тебя надоумил надеть лакированные туфли? Это же полный аццтой!

С этими словами я круто развернулся и прошел к столику с табличкой, где было указано мое имя...

Программа шла своим чередом до тех пор,

пока очаровательная (а что, раньше я говорил что-то другое?) Инночка-Аннет не произнесла:

— А теперь мы хотим представить Вам нашего почетного гостя, популярного блогера и настоящего ценителя прекрасного, Барона Самеди!

Зал взорвался овацией. Звездный час пробил, и я, тщательно копируя манеру одного из родоначальников жанра стэнд-ап, поднялся на сцену. О, господа, впервой ли мне было кривить душой? Отнюдь. Скажу по секрету, это примерно те же ощущения, что при выкладывании в сеть очередной эпистолярки на тему торчащих из-под джинсов трусиков...

— Буэнос ночес, амигос! — начал я, преувеличенно пафосным тоном, — Я вижу среди вас тех, кто абсолютно искренне чувствует мир и при этом не желает оставаться в стороне от него. Я хочу передать вам поистине великие слова моего друга, господина Новикова: «Скажи мне, где тебя можно найти, и я скажу кто ты...». Сегодня я вижу истинный цвет общества, не побоюсь сказать — элиту оного, в этом дворце. Но скажите, разве один визит в году в модное место решает? Ни в коем случае! Я хочу сказать, что мое сердце, ощущавшее тепло Buddha bar и драйв Batcave'a все равно принадлежит Украине. И я хочу сделать все, чтобы каждый из вас ежедневно мог посещать настоящую модную тусовку. Двадцать четыре часа семь дней в

неделю. Я обойду все рестораны и клубы Днепропетровска и отдам свой голос лучшему! Я буду писать о них для вас, и пусть халдеи напрягаются! Слуги должны быть народными!

Откровенно говоря, я даже не представлял, к чему приведет вся эта ахиня...

Не успели утихнуть аплодисменты, а я — выпить двести грамм виски, ко мне подбежала сексапильная куколка со значком «national television».

— Простите, всего пара вопросов!

Инночки на горизонте не наблюдалось, а потому я благосклонно кивнул. Камера ослепила меня своей «фарой», а нимфетка-журналист затарахтела:

— Какой из ресторанов вы посетите первым?

Я вальяжно затянулся сигаретой и, как подобает звезде, ответил:

— Тот, который изберет моя спутница, Аннет Кисс. Но пусть его название будет в секрете до тех пор, пока я не посету его.

— Госпожа Кисс? Редактор Мегалописа» и колумнист? Охарактеризуйте ваши отношения!

— Она моя любовница. И скажу откровенно, она талантлива не только в журналистике.

— Барон, Вы женаты?

— Ни в коем случае!

— То есть, Вы — свободная партия?

— Увы. Аннет и «Мегаполис» — это девяносто процентов моего сердца.

— Вы уже сделали ей предложение?

— Сходите нахуй и на нем умрите.

— У Вас есть соображения по поводу открытия своего лейбла в Днепропетровске?

А вот тут я «завис». Канары? Мальдивы? Да весь мир сейчас лежал у ног Антона Бородая!! Афера с «пожрать на халяву» в крутейших кабаках города просто отходила на...даже не на второй, а как минимум на десятый план!

— Без комментариев, девочка. Достаточно. Я устал.

— Но...

— Милая, ты слово «хуй» знаешь? Сходи на него. И попробуй только перевернуть интервью. Ноги оторву и в жопу засуну...

Вам, наверняка, кажется непонятным, откуда столько апломба может быть у двадцатичетырехлетнего паренька, обитающего в большом городе чуть менее суток. И это логично, хотя для пояснения можно смело писать отдельный трактат. Самое главное — это доза алкоголя и мифическая Москва, дальше которой отступить невозможно. Лгать же и лицемерить, на самом деле, не сложно. Этому с легкостью учит Интернет. Главное, делать это в незнакомой компании.

Торжественная часть закончилась и богема

немедленно приступила к поглощению всего того, что находилось на фуршетном столе. Уставшая, но довольная Иннулька подошла ко мне:

— Это твое заявление означает то, что какое-то время ты поживешь у меня?

— Теоретически, я думал о том, что жить буду в «Санрайзе»... — я достаточно похабно провел кончиком язык по верхней губе, — Однако, разве я могу лишиться себя перспективы провести время с красавицей, не напрягаясь обща...гостиничными стенами?

Зардевшаяся Инна-Аннет упорхнула охуевать от себя собственной персоной, а я спер с соседнего столика добрые полбутылки коньяку, когда рядом со мной нарисовалась неподдающаяся цивилизованному описанию репа чудовищных габаритов.

— Здравствуйте...ээээ...князь...ээээ...

— Не князь, в смысле титула, Барон в смысле имени — прошу заметить.

— Да-да! Именно о вас и говорили мне.

— А можно без экивоков?

— Меня зовут Альберт Мугинштейн. Я владелец ряда ресторанов и ни в коем случае не хотел бы...ну, вы понимаете, я-то как раз хотел...

Эта огромная махина, деньги из которой так и перли заискивала предо мной!! Это была победа интернет-фриков над системой!!

— Господин Альберт, я устал. Чего вы хотите конкретно?

Собеседник стер белым платком пот с багрового лба и выдал:

— Долю в вашем ресторане!

Дождь из купюр различного достоинства обещал быть поистине сильным и затяжным...

4. Мейнстейдж

(«Не пей вина, Гертруда»

Б. Гребенщиков)

Саунд неизвестного и, впрочем, совершенно неинтересного диджея резал уши отвратительным сведением типа модных хитов. Что совершенно, к слову, не мешало нам с Инночкой наслаждаться ужином, сопровождаемым настоящим «Кристаллом»...

— Скажи, ты правда готов взять этого Альберта в долю? — моя подруга никак не хотела понимать, что мой кошелек пуст, как попытка развести на анальный секс кришнаитку.

— О, не только его, зая! — я бросил на нее несколько укоризненный взгляд из-под солнцезащитных очков, выдаваемых мною за эксклюзив RayBan, — Неужели ты думаешь, что я могу забыть о тебе? Знаешь, этот ресторан я хочу

подарить тебе. Чтобы такая звездочка, как ты могла чувствовать себя по максимуму!

— Прааавдаааа?

— Конечно, дорогая!

— А что мне нужно будет делать? — ее восторг был просто непередаваем. Таким, что я мог не сомневаться — меня сегодня ждут самые разнообразные сюрпризы. В постели, естественно.

— Следить за тем, чтобы наши гости были только из высшего света.

— А...

— Альберт всего лишь будет иметь небольшую долю прибыли. Впрочем, я уверен в том, что и ее хватит для утоления его аппетита.

— Но ты попросил у него три миллиона евро! Разве он сможет окупить их быстро?

— Милая, мне кажется, что ты сомневаешься во мне и моих способностях.

— Прости...

Однако, самолюбование следовало бы довести до конца, а потому я продолжил разыгрывать оскорбленного суперстар:

— Неужели мое имя недостаточный гарант того, что весь цвет общества будет отныне посещать только мое заведение? Детка, ты только что убила меня! Ты стреляешь в упор, зая!

— Милый...

— Ладно, проехали. Просто помни, что ты

имеешь дело с лучшим.

— Конечно-конечно...

Отлично. Два зайца наповал убиты и разделаны на котлеты. Теперь моя «зая» выполнит все мои требования, касаясь ресторана, но и не будет вспоминать о колье, на которое она ненавязчиво намекала мне уже второй день... Проводив Инессу и сославшись на дела катастрофической важности, я собирался провести вечер в совершенно другом месте. Где-нибудь, где мне хватит ста пятидесяти гривен на нормальное пиво и не претенциозных барышень. По секрету говоря, иногда, все-таки, стоит быть собой...

— Господин Барон?

Вот только моего «партнера» здесь и не хватало! Однако, уже завтра на моем счету должны были оказаться три миллиона евро, отстегнутой недрогнувшей рукой Мугинштейна настолько щедро, что я даже пожалел, что не попросил больше...

— О, партнер, приветствую!

— Антон, у меня есть некоторые сомнения...

Я удивленно вздернул брови.

— Понимаете, Антон, я ресторатор со стажем, и точно могу сказать, что три миллиона — это обычно та сумма, на которую организовывается ивент в честь открытия... И к тому же за две недели вы еще ничего не сделали! Я, как партнер, считаю,